

ИСТОРИЯ

*Валерий Михайлович КРУЖИНОВ —
профессор кафедры отечественной истории,
доктор исторических наук*

*Зинаида Николаевна СОКОВА —
профессор кафедры новой истории
и международных отношений,
доктор исторических наук*

УДК 930

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ ЕРМАКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются дискуссионные вопросы гибели Ермака.

The article considers the controversial problems of Ermak's ruin.

Когда казаки Ермака заняли столицу Сибирского ханства крепость Искер, они вряд ли осознавали, что своим подвигом ошеломят современников и вскоре станут героями народных сказаний. Причины этой славы понять нетрудно. Русские войска тогда терпели поражения в изнурительной Ливонской войне, самой продолжительной в истории государства. Не только южные, но и центральные районы России подвергались опустошительным набегам крымцев и ногайцев. В памяти народа еще были свежи ужасы татаро-монгольского ига. И вот целое татарское царство Кучума, казавшееся таким могущественным и крепким, рухнуло, рассыпалось после дерзкого удара казацкой дружины.

Впереди у казаков Ермака были новые походы — к верховьям Оби, на Тавду и Пелым, по Иртышу и Вагаю. Во время одного из ночных привалов они подверглись внезапному нападению кучумовичей и потеряли своего предводителя. Рассказывая о последних минутах жизни Ермака, Погодинский летописец сообщает, что, отбиваясь от врагов, он кинулся к отплывавшему от берега стругу «и не много дойти, понеже одеян бе железом в пансыре тягче; и не доплы струга, утопе» [1]. По другим сведениям, восходящим к татарским преданиям, покоритель Сибири сразился с кучумовским воином Кутугаем (Кучугаем), который поразил его копьем «в гортань» [2].

О последнем сражении Ермака писали многие исследователи. Однако отрывочность и противоречивость исторических источников позволила им восстановить картину боя лишь в общем виде, оставляя поле для размышлений и дискуссий. Едва ли не центральное место в спорах историков занимает вопрос о место-

сий. Едва ли не центральное место в спорах историков занимает вопрос о местоположении казацкого лагеря. Согласно Синодику ермаковым казакам, написанному в 1620-е гг. при участии ветеранов «сибирского взятия», их стоянка находилась «близ Вагайского устья ... на перекопи» [3]. В более поздних летописных известиях «перекопъ» локализуется «не дойде Вагая реки» на Иртыше [4] или «по Вагаю реке» [5]. Разноречивые сведения о местоположении «перекопи» приводит С. У. Ремезов. Если в «Чертежной книге Сибири» он показал ее у основания Вагайской излучины Иртыша [6], то в Краткой сибирской летописи (кунгурской) поместил на Агитской луке [7], не сохранившейся на картах.

Особое место в этом ряду принадлежит сообщению из «Описания Сибири» — единственного исторического источника, связывающего гибель Ермака не с «перекопью», а другим географическим объектом, в частности, с речкой Сибиркой, находившейся в 20 верстах «от Тобольска вверх по реке Иртышу», где после бегства из Искера «царь Кучум в великом страхе пребывал» [8].

Проблема интерпретации этих известий возникла достаточно давно, однако все высказанные в литературе версии не идут далее ответственных, но формально-логических построений, опирающихся на ту или иную группу исторических источников и фиксирующих внимание на определенных аспектах вопроса. Так, Г. Ф. Миллер, обратившись к «чертежам» и летописным известиям С. У. Ремезова, высказал предположение, что встречающиеся в них топонимы Вагайская и Агитская лука являются этимологически родственными и обозначают один географический объект — растянувшуюся на «более чем в шесть верст» большую дугу Иртыша, образованную крутым изгибом реки недалеко от места ее слияния с Вагаем. Между окончаниями этой дуги Г. Ф. Миллер «сам видел» «перекопъ ... длиною в версту» [9], которая в «Чертежной книге Сибири», обозначена прямой, но безымянной протокой, протянувшейся к северу от «Ермаковой перекопи» С. У. Ремезова.

Одновременно Г. Ф. Миллер указал важный природно-географический ориентир, характеризующий топографию местности близ предполагаемой «перекопи» — высокий холм, сохранившийся, кстати, и в наше время: «К югу от перекопи виден на низком ровном лугу большой бугор, который, без сомнения, не является естественным, а насыпан руками людей. Он весьма крут и в вышину простирается на 10 саженьей, а на верху его есть ровная площадка, имеющая в поперечнике 30 саженьей» [10].

Версия Г. Ф. Миллера о местоположении «перекопи» на Вагайской излучине Иртыша получила особую популярность после публикации героико-романтической думы К. Ф. Рылеева, в поэтической форме описавшего последний бой и гибель Ермака в водах великой сибирской реки [11]. Ее приняли Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, Г. Е. Катанаев, А. Нечволодов [12], а позднее — А. Д. Колесников, авторы пятитомной «Истории Сибири» и энциклопедического пятитомника «Отечественная история» [13]. В общих чертах эту точку зрения разделял П. А. Словцов. Однако в отличие от Г. Ф. Миллера он связывал «перекопъ» не с безымянной ремезовской протокой, а с находящейся к югу от нее цепочкой прииртышских озер Табай, Становое и Собачье [14], которые могут быть идентифицированы с обозначенной в «Чертежной книге Сибири» «Ермаковой перекопью».

Иными географическими объектами «Ермакова копь (перекопъ)» картографирована в хранящемся в БАН неопубликованном атласе Тобольской губернии, составленном в 1806 г. землемером В. Филимоновым, где она обозначена протокой, соединяющей озеро Табанное (возможно, другое название озера Табай) и Иртыш в основании большой петли, которую в этом месте делает река. Перпендикулярно «перекопи» В. Филимонов показал речку Крутую, связывающую «копъ» и противоположный изгиб Иртыша.

В середине 1960-х гг. историки выдвинули еще одну версию местоположения «перекопи», перенеся ее на Вагай. В наиболее развернутом виде эту точку зрения

рация устья Вагая отличалась от современной и представляла большую кольцеобразную дугу, между окончаниями которой находилась протока, внешне совпадавшая с некоторыми летописными описаниями «перекопи». Впоследствии, как считал Д. Н. Фиалков, излучина исчезла, а протока расширилась и стала частью нового русла реки [15].

О гибели Ермака на Вагае писали В. Д. Назаров, Д. И. Копылов, Д. Я. Резун и М. В. Шиловский, А. Т. Шашков, авторы соответствующих статей в «Большой советской энциклопедии» и «Советской исторической энциклопедии» [16]. В. В. Веселкина, В. А. Могильников, В. М. Кружинов, следуя указанию Синодика, располагают «перекопью» «близ устья Вагая» [17], а Р. Г. Скрынников в первом издании монографии «Сибирская экспедиция Ермака» (Новосибирск, 1982) в начале утверждает будто бы «все (в действительности не все. — авт.) источники свидетельствуют о том, что Ермак погиб на Вагае» (с. 198), а затем, возвращаясь к данному сюжету, размещает последнюю стоянку ермаковых казаков на вагайской излучине Иртыша (с. 201). Аналогичная метаморфоза произошла в свое время и у Г. Ф. Миллера. Если в «Истории Сибири» и «Описании Сибирского царства» [18] он, как уже указывалось, помещал «перекопью» на Иртыше, то в «Описании городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыш и возле него вверх от города Тобольска» однозначно связывал гибель Ермака с Вагаем: «Вагай довольно большая река, которая известна главным образом потому, что в ней погиб знаменитый Ермак» [19]. Примечательно, что, характеризуя в этой работе местоположение «Ермаковой перекопи», Г. Ф. Миллер даже не упомянул имя казацкого атамана.

Не более чем надуманным представляется историкам сообщение из «Описания Сибири» о гибели Ермака на речке Сибирке под Тобольском. Лишь Д. Н. Фиалков, использовавший аэрофотоснимки находившегося когда-то здесь Кучумова городища и прилегающей к нему территории, названной в Краткой сибирской летописи (кунгурской) Агинской лукой [20], обратил внимание на целую систему отшнуровавшихся от русла Иртыша излучин, которые «располагались ближе всего к Искеру и были первым препятствием к подъему судов». Предположив, что топоним Агинская лука — это один из вариантов названия Агитской луки, на которой, по свидетельству С. У. Ремезова, погиб Ермак, Д. Н. Фиалков посчитал «естественным», что Ермак мог «устроить» здесь еще одну «перекопью» (наряду с Вагайской), чтобы использовать уже тогда формировавшуюся протоку для проведения судов [21]. Существенным вопросом изучения летописных известий о последней стоянке Ермака является выяснение содержания, вкладывавшегося их составителями в слово «перекопью». Большинство летописцев не оставило комментариев на этот счет. Однако в некоторых списках Есиповской летописи вместо термина «перекопью» используется слово «пролив» (варианты: «пралев», «пралав», «пролет») [22], а в различных редакциях Нового летописца — «пралир» (вариант: «пралив») [23]. Цепочкой естественных протоков и небольших озер обозначена «перекопью» в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова [24]. Совершенно иной смысл знаменитый сибирский картограф и историк вкладывает в данное понятие в Краткой сибирской летописи (кунгурской), охарактеризовав «перекопью» как некое гидротехническое сооружение, которое Ермак «через волок учинил», чтобы «до усть Вагая реки дошедшь» [25]. Г. Ф. Миллер, комментируя это сообщение С. У. Ремезова, высказал предположение, что во время похода к верховьям Иртыша и на Вагай Ермак приказал прокопать канал у основания Вагайской луки Иртыша, «чтобы в будущем не нужно было делать ... далекий объезд рекою». Для выполнения этих работ, полагает Г. Ф. Миллер, атаман оставил на Вагайской луке часть своих казаков, с которыми соединился на обратном пути. «Нет никакого сомнения, — заключает историк, — что эта перекопью была вырыта Ермаком или по его приказанию» [26].

Противоположную точку зрения отстаивал другой участник академических экспедиций в Сибирь, И. Е. Фишер, считавший, что Ермак «был не в таких обстоятельствах, чтоб на такое ненадобное и ненужное дело мог употребить много времени и людей», и «так называемый канал был с самого начала настоящим речным стержнем» [27], то есть природным образованием. Спустя полвека в этом же ключе высказался П. А. Словцов. Побывав на Вагайской излучине Иртыша и изучив устные и иные свидетельства, он пришел к убеждению о «невозможности казачьей гидротехники» и, таким образом, об ошибке Г. Ф. Миллера [28].

Современная историография отвергает тезис о целесообразности и технической возможности «перекопания» Вагайской луки. По мнению Д. Н. Фиалкова, «слово перекопь... означало скорее естественное образование, чем гидротехническое сооружение» и «в прошлом понималось как протока, прорва, спрямляющий рукав реки» [29]. Схожую позицию занимают В. Г. Мирзоев и Р. Г. Скрынников [30]. Проанализировав сообщение Краткой сибирской летописи (кунгурской) о «перекопи», Р. Г. Скрынников предположил, что С. У. Ремезов «слишком буквально истолковал это название, записав, будто «перекопь» через волок учинил сам Ермак» [31].

Некоторые авторы в принципе отрицают сам факт гибели Ермака на «Ермаковой перекопи», полагая, что эти сведения появились в результате случайного созвучия имени Ермака и татарского названия одного из рукавов русла Иртыша или Вагая: ерма, йермак — река, протока, прорва, новое русло [32]. Другие исследователи так и не решились дать окончательный ответ на вопрос о месте последней стоянки ермаковых казаков. Сохранилась, например, небольшая записка С. Ф. Платонова, в которой известный исследователь писал: «Ермак, по летописи, погиб в то время как стал ночевать на реке «в пралире» ...Что это могло бы значить? Не знаю» [33].

Не прекращаются споры историков о времени гибели Ермака. Еще Г. Ф. Миллер утверждал, что это трагическое событие произошло в ночь с 5 на 6 августа 1584 (7092) года [34]. В XIX—начале XX вв. предложенная им версия стала чуть ли не аксиоматичной и использовалась в работах Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, С. Ф. Платонова, А. Нечволодова [35]. Из последующих исследователей ее приняли А. А. Введенский, Е. К. Ромодановская, В. Ю. Софронов, М. Н. Софронова, авторы многотомника «Всемирная история» [36]. Среди наиболее важных аргументов, к которым апеллируют сторонники данной точки зрения, обычно называется ее совпадение с датировкой последнего боя Ермака в таких источниках, как Синодик ермаковым казакам, Сибирские летописи, Строгановская летопись [37].

Напротив, А. И. Андреев, Г. Е. Катанаев, А. Д. Колесников, Д. И. Копылов, Н. И. Костомаров, В. И. Сергеев, Р. Г. Скрынников, а также авторы многотомной «Истории Сибири» и «Советской исторической энциклопедии» считают завершающей хронологической датой сибирской эпопеи Ермака 5 августа 1585 (7093) года [38]. В обоснование своей позиции они чаще всего ссылаются на грамоту Ивана IV Грозного промышленникам Строгановым от 7 января 1584 г., в которой царь повелевал отложить до ближайшей весны сформированную для помощи ермаковым казакам экспедицию князя С. Д. Болховского, поскольку до царя «слух дошел, что в Сибирь зимним путем пройти не мочно» [39]. В результате летописные известия о появлении отряда С. Д. Болховского в Зауралье в 1583 г. признавались недостоверными, а гибель Ермака, традиционно связывавшаяся с событиями, последовавшими через год после прихода первого царского воеводы, сдвигалась на 1585 год.

Значительно меньшее внимание в размышлениях историков уделяется военно-политическим и военно-техническим аспектам последнего похода и гибели отважного атамана. Обращаясь к мотивам казачьей экспедиции в верховья Иртыша и на Вагай, часть исследователей связывает их с намерением Ермака нанести решающий удар по противнику, разгромить его. «События последнего года, — пишет Д. И. Копылов, — показали, что главная опасность угрожает с

юга... Поэтому круг (казачий. — авт.) решил отправить военную экспедицию вверх по Иртыш ..., надеясь покончить, наконец, с Кучумом, и установить в Сибири мир и спокойствие» [40]. Схожую точку зрения высказал В. Ю. Софронов. По его словам, главной целью похода являлось завоевание Верхнего Прииртышья [41], хотя, как показали последующие события, даже многочисленным правительственным отрядам, двинувшимся вскоре за Урал, потребовалось не одно десятилетие, чтобы решить эту задачу. В результате иртышская эпопея ермаковых казаков предстает чуть ли не безрассудной авантюрой, логическим завершением которой стала гибель ее главного героя.

Некоторые историки полагают, что поход русских в верховья Иртыша и на Вагай был намеренно спровоцирован Кучумом, хитростью «выманившего казаков» из хорошо укрепленного Искера, и «все время следившего за движением отряда Ермака, выжидая удобного момента для нападения» [42].

Иную интерпретацию военных планов Ермака предлагает Р. Г. Скрынников. Он отвергает тезис об авантюристической подоплеке иртышского похода и акцентирует внимание на его упреждающем характере. По мнению Р. Г. Скрынникова, главная цель экспедиции заключалась в том, чтобы сорвать наметившийся процесс консолидации татарских феодалов вокруг Кучума и предотвратить нараставшую угрозу их совместных действий против русских. В этих условиях, полагает историк, риск, связанный с рейдом на юг, был вполне оправданным, поскольку, оставаясь в Искере, казаки могли «в любой момент ... оказаться в кольце блокады». Кроме того, поход в верховья Иртыша нужен был, чтобы создать запасы продовольствия, необходимые для нового зимовья, установить связи с купцами из Средней Азии, торговля с которыми могла способствовать оживлению экономической жизни в регионе [43].

Исторические источники приводят разноречивые сведения о численности отправившегося в поход отряда. В Синодике ермаковым казакам дружина Ермака характеризуется как «невеликая» [44]. С некоторыми нюансами эта оценка повторяется в Есиповской и Строгановской летописях [45]. В Краткой сибирской летописи (кунгурской) численность отряда определяется в 50 человек [46]. В тобольских разрядных книгах говорится, что «Ермак Тимофеев да 108 человек пришли против Кучума царя, и на Вагайской перекопи стали ночевать» [47]. Встречаются также известия, как правило, более поздние, о 150 и даже 300 русских воинах, участвовавших в походе [48].

Одну из первых попыток объяснить эти противоречия предпринял Г. Ф. Миллер. Оценив общую численность участников похода по Иртышу в 300 человек, он полагал, что на обратном пути отряд разделился: 150 казаков отправились с Ермаком на Вагай, тогда как остальные остались на «перекопи», которую атаман «велел копать» [49]. Н. М. Карамзин и В. С. Соловьев положили в основу своих оценок сообщение Краткой сибирской летописи (кунгурской) [50]. Впоследствии, однако, в историографии стала доминировать тенденция к использованию более ранних летописных известий, считающихся наиболее достоверными. Так, по предположению Д. И. Копылова, в поход по Иртышу отправились 150 человек, часть которых вскоре возвратилась в Искер с собранным ясаком, а «сотня казаков» во главе с Ермаком пошла на Вагай и приняла ночной бой на «перекопи» [51]. Близкая цифра (108 человек) приводится Р. Г. Скрынниковым [52].

Скудость и противоречивость исторических источников не могла не отразиться на реконструкции событий 5 августа 1584 (или 1585) г., непосредственно предшествовавших последнему бою Ермака. В изложении Г. Ф. Миллера казаки, возвращаясь в этот день с Вагая, встретились на «перекопи» с другими участниками иртышского похода и из-за усталости и приближающейся ночи решили остаться здесь до следующего утра. Для охраны лагеря атаман выставил караульных, которые, не ожидая нападения противника, укрылись от на-

чавшегося ливня и заснули [53]. В обоснование своего рассказа Г. Ф. Миллер ссылался на «некоторые летописи», в которых, однако, сведений о «спящем карауле» не содержится, но зато сообщается, что казаки, «утрудившиеся от многого пути», «стражу (вариант: «крепкую стражу») не поставиша» [54]. Среди иных подробностей, подмеченных Г. Ф. Миллером — почти сказочное сообщение летописцев о татарском лазутчике, который, воспользовавшись беспечностью казаков, не только дважды пробрался в лагерь Ермака, но и доставил Кучуму три русские пищали и три лядунки с порохом [55].

Из современных исследователей версию Г. Ф. Миллера о «заснувших караульных» разделяет Д. И. Копылов: «К вечеру 5 августа, — пишет он, — разразился дождь. Ермак решил сделать привал в первом подходящем месте. ... Быстро разбили стан, поставили шатры и пологи, зажглись костры. После короткого ужина все улеглись спать. Ермак, как обычно, приказал расставить караулы. Ночью дождь усилился. Утомленные походом воины скоро погрузились в глубокий сон. Под мерный шум дождя заснули и караульные, уверенные в полнейшей безопасности. ... Под плотной завесой дождя татары ... окружили лагерь» [56].

В свою очередь Р. Г. Скрынников, ссылаясь на отсутствие в исторических источниках сведений о «заснувшем карауле», полагает, что кучумовичи сумели внезапно напасть на русских «благодаря темноте и ночной непогоде». Он также посчитал вымыслом сообщения летописцев как о прокравшемся в казачий лагерь разведчике Кучума, так и о беспечности Ермака, будто бы не окружившего стан крепкой стражей или не выставившего ее совсем [57].

Историки по-разному оценивают характер ночного боя 5 августа 1584 (или 1585) года. Г. Ф. Миллер, следуя версии о «заснувшем карауле», утверждал, что казаки не оказали противнику «никакого сопротивления», и «храбрость татарская проявилась в том, что они просто душили спящих русских», перебив 300 человек, включая Ермака [58]. В этом же ключе рассказывают о событиях трагической ночи и потерях казаков Н. М. Карамзин и В. И. Сергеев — из 51 человека лишь один «бежал в Искер» [59], авторы многотомной «Истории Сибири» — из 150 дружинников «почти все были перебиты» [60] и Д. И. Копылов, наиболее пространно описавший гибель казацкого отряда: «В первый же миг был уничтожен спящий караул. Словно призраки сновали кучумовцы меж казацких шатров, душили и кололи спящих людей. Шатер Ермака стоял в центре лагеря, и туда устремилась большая группа татар. Атаман оторвался от сна, когда отряд почти весь был уже уничтожен. С горсткой уцелевших воинов он стал отходить к берегу, где стояли струги. Дождь вывел из строя фитильные ружья. Ермак с товарищами саблями прорубали дорогу через массу разъяренных врагов. Уж близок был спасительный берег, когда пал последний казак и Ермак остался один. Истекая кровью, он бросился к берегу и прыгнул в ближайший струг, но... оступился и пошел ко дну, «понеже одеян бе железом в пансыре тягче». ... Только несколько казаков уцелело в этой битве. Возможно, они несли вахту на стругах и, увидев гибель атамана и всей дружины, под покровом темноты скрылись от преследования» [61].

В последующих работах Д. И. Копылов дополнил этот рассказ сюжетом из татарского предания о поединке Ермака и Кутугая (Кучугая): «Атаман действовал саблей, татарин — коротким копьем. Противники дрались с ожесточенным упорством, и Ермак уже «нача одолевати» Кутугая. Но у атамана развязался шлемный ремень, и обнажилось горло. Этим воспользовался Кутугай и «прободе [Ермака] в гортань». Истекая кровью, атаман бросился к берегу и прыгнул в ближайший струг, но... оступился и пошел ко дну, «понеже одеян бе железом в пансыре тягче» [62].

По другому сценарию ночного боя, описанному Р. Г. Скрынниковым, нападение кучумовичей на русский лагерь, пусть даже неожиданное, не внесло дезорганизации в ряды казаков. Воспользовавшись ночной темнотой и непого-

дой, они во главе с атаманом сумели пробиться к берегу и погрузились на суда. «Ермак, — пишет Р. Г. Скрынников, — бился с врагами до последней минуты, прикрывая отступление отряда. Благодаря этому казаки избежали поголовного истребления»: из 108 человек, ходивших на Вагай, остались в живых 90 [63].

В пользу этой версии, кажется, свидетельствует сообщение начальной редакции Синодика ермаковым казакам, из которого можно заключить, что большинство участников сражения с татарами «в бегство преложишас» и лишь некоторые — Яков, Роман, Петр 2 (?), Михаил, Иван, Иван и Ермак «кровь свою пролиша» [64]. Однако это не означает завершения обсуждения вопроса, так как в большинстве других исторических источников приводятся иные сведения [65], в том числе и использовавшиеся в работах оппонентов Р. Г. Скрынникова.

Исследователи единодушны в том, что гибель Ермака означала скорое завершение экспедиции русских казаков в Зауралье. Причины этого обычно видятся в истощении сил отряда, на протяжении нескольких лет переносащего невыносимые лишения и оторванного от русских границ. Но Ермак и его дружина совершили самое главное: располагая небольшими силами, они разгромили основные силы Сибирского ханства и открыли одну из самых значительных страниц прошлого России, связанную с освоением огромного и пока таинственного материка, о владении которым мечтали многие европейские и восточные государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 135.
2. Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДЛ. Т. 13. М. Л., 1957. С. 467-482.
3. ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 381.
4. Там же. С. 73, 78.
5. Там же. С. 249, 314, 364, 367.
6. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1. М., 2003. Лист В.
7. Краткая сибирская летопись (кунгурская). СПб., 1880. С. 26.
8. Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 239.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1996. С. 251.
10. Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 251. В. А. Могильников, проводивший в этом районе археологические раскопки, установил, что удачное местоположение холма среди широкой поймы с заливными лугами, протоками и озерами привлекало сюда население различных культурно-хозяйственных типов, начиная со времени позднего мезолита или неолита и до эпохи сибирских ханств (Могильников В. А. Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографий. Вып. 3. Тюмень, 2001. С. 114-121). В настоящее время внешние контуры холма в основном соответствуют описанию Г. Ф. Миллера, а на его склоне установлены пятиметровый крест из лиственницы и выложенный из камней обелиск с металлической табличкой, на которой изображен Ермак и сделана памятная надпись.
11. Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. Л., 1971. С. 142-145.
12. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. III. М., 1989. С. 240; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М., 1989. С. 271; Костома-ров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1997. С. 516; Катанаев Г. Е. Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год // Тобольский хронограф. Екатеринбург, 1998. С. 90; Нечволодов А. Сказания о русской земле. Кн. 4. М., 1992. С. 255.
13. Колесников А. Д. Ермак. Омск, 1983. С. 41; История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 30; Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия в пяти томах. Т. 2. С. 152. Археологические исследования, организованные в 2006 г. Институтом гуманитарных исследований ТюмГУ и Институтом истории и политических наук ТюмГУ под руководством А. В. Матвеева, не выявили следов лагеря Ермака на Вагайской излучине Иртыша. Впрочем, такой результат можно было спрогнозировать, т. к.: 1) лагерь

Ермака необязательно располагался на этом месте; 2) «перекопь» Г. Ф. Миллера представляет весьма значительный географический объект «длиною в версту» и требует более масштабных археологических исследований; 3) оружие и другие ценные предметы, оставленные погибшими казаками на поле боя, почти наверняка были подобраны кучумовичами; 4) иные свидетельства трагической ночи, скорее всего, были смыты разливами Иртыша.

14. Словцов П. А. Письма из Сибири. Тюмень, 1999. С. 26-28.

15. Фиалков Д. Н. О месте гибели и захоронения Ермака // Экономика, управление и культура Сибири XVI — XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 278-282.

16. Назаров Д. В. Зауральская эпопея XVI века // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 112; Копылов Д. И. Ермак. Свердловск, 1974. С. 106; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 26; Шашков А. Т. Ермак Тимофеевич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 199-200; Большая советская энциклопедия. Т. 9. М., 1972. С. 270; Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 509.

17. Веселкина В. В. История Тюменского края. Свердловск, 1975. С. 25; Могильников В. А. Первые русские в Сибири // Тобольский хронограф. С. 138; Кружинов В. М. Календарь дат и событий из истории Тюменской области. Екатеринбург, 2000. С. 70. Д. И. Копылов во втором, дополненном издании книги «Ермак» (Иркутск, 1989) внес коррективы в свою прежнюю позицию, расположив последний лагерь ермаковых казаков «на небольшом острове близ устья Вагая» (С. 170). Эту версию он повторил в «Очерках истории Тюменской области» (Тюмень, 1994. С. 42).

18. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 251; он же. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Кн. I. М., 1998. С. 143.

19. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 79; РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. I. Д. 3. Л. 8 об.

20. Краткая сибирская летопись (кунгурская). С. 24.

21. Фиалков Д. Н. Указ. соч. С. 280.

22. ПСРЛ Т. 36. Ч. I. С. 73, 78.

23. Вдовина-Лебедева В. Г. Две редакции Нового летописца // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 131.

24. См. : Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. Лист В.

25. Краткая сибирская летопись (кунгурская). С. 26.

26. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 251.

27. Фишер П. Е. Сибирская история. СПб., 1774. С. 158-159.

28. Словцов П. А. Указ. соч. С. 27-28.

29. Фиалков Д. Н. Указ. соч. С. 280.

30. Мирзоев В. Г. Историография Сибири. Кемерово, 1965. С. 101; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 201.

31. Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 201.

32. Пархимович С. Г. Примечания // Словцов П. А. Указ. соч. С. 214; Софронов В. Ю. Кто же ты, Ермак Аленин? // Тобольский хронограф. С. 166.

33. Цит. по: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. I. Нижневартовск, 2006; ОР РНБ. Ф. 585. Оп. I. Д. 1337. Л. 2.

34. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 251.

35. Карамзин Н. М. Указ. соч. 238-240; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 270-271; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Ч. I. М., 1994. С. 200; Нечволодов А. Указ. соч. С. 255-256.

36. Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI — XVII веках. М., 1962. С. 109; Ромодановская Е. К. Погодинский летописец (к вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 43-46; Софронов В. Ю. Откуда земля сибирская пошла. Екатеринбург, 2001. С. 89; Софронова М. Н. О мнимом и реальном в портретах сибирского «атамана-князя» Ермака // Тобольский хронограф. С. 171; Всемирная история. Т. IV. М., 1958. С. 99.

37. См. : ПСРЛ. Т. 36. Ч. I. С. 62-63, 87, 95-96, 113-114, 117, 134-135, 138, 185, 249, 310, 345, 364, 368, 381 и др.

38. Андреев А. И. Примечания к тексту «Истории Сибири» и к приложениям // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 484; Колесников А. Д. Указ. соч. С. 42; Копылов Д. И.

Ермак. Свердловск, 1974. С. 106-108; Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 516; Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 129; Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 192; История Сибири. Т. I. С. 30; Советская историческая энциклопедия. Т. 5. С. 510.

39. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 336-337.

40. Копылов Д. И. Ермак. Свердловск, 1974. С. 103, 106; он же. Ермак. Иркутск, 1989. С. 166, 170.

41. Софронов В. Ю. Откуда земля сибирская пошла. С. 89.

42. Колесников А. Д. Указ. соч. С. 39, 40.

43. Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 196-197.

44. ПСРЛ. Т. 36. Ч. I. С. 381.

45. Там же. С. 63, 87 и др.

46. Краткая сибирская летопись (кунгурская). С. 26.

47. ПСРЛ. Т. 14. С. 33; Т. 36. Ч. I. С. 78.

48. Книга записная. Томск. 1973. С. 2.

49. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 251-256.

50. Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 239; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 270.

51. Копылов Д. И. Ермак. Свердловск, 1974. С. 103, 106; он же. Ермак. Иркутск, 1989. С. 166, 170.

52. Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 197-198.

53. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 257.

54. ПСРЛ. Т. 14. С. 34, 40, 63.

55. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 257.

56. Копылов Д. И. Ермак. Иркутск. 1989. С. 171.

57. Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 202.

58. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 257.

59. Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 240; Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 129.

60. История Сибири. Т. 2. С. 30.

61. Копылов Д. И. Ермак. Свердловск, 1974. С. 107.

62. Он же. Ермак. Иркутск, 1989. С. 172.

63. Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 202-203.

64. Ромодановская Е. Н. Синодик Ермаковым казакам (Предварительное сообщение) // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1970. № 11. С. 21.

65. ПСРЛ. Т. 36. Ч. I. С. 63, 73, 95, 135, 185; Краткая сибирская летопись (кунгурская). С. 28.

Надежда Николаевна ИСАЧЕНКО —
зам. директора Тюменского филиала
Современной гуманитарной академии (г. Москва),
кандидат философских наук

УДК 130.2.:008

ИДЕЯ СЕВЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ЕЕ ИЗ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СРЕДЫ

В данной статье проведен анализ различных точек зрения, рассматривающих идею становления и перспективы развития северной цивилизации. Автором высказаны предположения о возможности существования северной цивилизации как древней локальной, перешагнувшей в иной тип жизнедеятельности.

In given article is carried out the analysis of various points of view, examining the idea of becoming and prospect of development of northern civilization. The assumptions of an opportunity of existence of northern civilization as an ancient local, which has stepped in other type of live were stated by the author.